

Си Жун говорил в ровном, размеренном темпе. В его речи не было монотонности зубрежки, стремящейся поскорее покончить с обязателькой; он то и дело ловил взгляды сидящих в зале студентов и преподавателей, а порой смотрел прямо в объективы камер, транслирующих церемонию. Спокойный, естественный голос, безупречная осанка, уверенные манеры — во всем его облике сквозило врожденное благородство.

Суровые складки на лбу директора Инь мало-помалу разгладились, и на лице женщины наконец проступила тень одобрения.

Когда Си Жун закончил речь, он зачитал Студенческий обет, который эхом повторили все собравшиеся на площади первокурсники. Затем последовал вежливый полупоклон, легкая, едва заметная улыбка, и юноша уверенно направился за кулисы, ни на мгновение не задержав взгляда на Шань Ци и Цинь Яодуна, когда проходил мимо.

Трое советников, сидевших в первом ряду, наблюдали за сценой от начала до конца. Лу Юнь, изящная и очень красивая женщина-Омега, повернулась к Си Цюаню, сидевшему по правую руку от нее:

— Надо же, Си, а твой мальчик, оказывается, полон сюрпризов. Не дрогнул под таким давлением — настоящий талант.

Договорив, Лу Юнь скользнула едва уловимым взглядом по лицу Шань Пэна, а затем перевела глаза на сцену, где, едва сдерживая ярость, стоял Шань Ци. Она прищурилась, явно ожидая хорошей драки.

Си Цюань и сам не подозревал, что его младший сын способен на такое. Надо же, стоило отправить его в Академию Федерации, как мальчишка будто за ум взялся.

— Вы слишком щедры на похвалу, советник Лу, — с напускной скромностью отозвался Си Цюань.

Руководство академии предоставило Шань Ци и Си Жуну право выступить перед первокурсниками исключительно из вежливости — зная, что на церемонию придут Шань Пэн и Си Цюань. Это был классический политический реверанс. Никто и представить не мог, что Шань Ци окажется настолько глуп, чтобы устраивать подобные каверзы на глазах у всей Федерации.

Си Жун впервые в жизни не опозорил отца, а, напротив, заставил того почувствовать превосходство над конкурентом. Си Цюань ощутил, как внутри разливается приятное тепло торжества.

Шань Пэна не зря за глаза величали «улыбчивым тигром». Какая бы буря ни бушевала вокруг, какие бы обстоятельства ни прижимали его к стене, он неизменно сохранял благодушный вид.

Вот и сейчас, когда вокруг поползли едкие шепотки, а объективы камер то и дело выхватывали его лицо крупным планом, он не выдал себя ни единым мускулом.

Впрочем, за этой безупречной маской штиля уже зарождался настоящий шторм.

Онлайн-трансляция торжественной церемонии тем временем била все рекорды, собрав у экранов более десяти миллионов зрителей. Стоило Си Жуну выйти под софиты, как виртуальный зал захлестнул вал новых пользователей, привлеченных его яркой внешностью. Наблюдая за тем, с каким ледяным изяществом держится юноша, тысячи Омег в комментариях признавались, что у них буквально подкашиваются колени от восторга.

— Боже, спасите мои глаза! Первый красавец-Альфа Второго звездного сектора просто нереален, я всю трансляцию только на его лицо и залипал!

— Да его внешность — это чистый визуальный экстаз...

— Погодите, а парня случайно не подставили? Насколько я помню, раньше каждый из представителей читал свою часть темы. Почему он один отдувался за всех?

— Хм? Если бы не этот коммент, я бы и не заметил. А ведь действительно, почему его речь была такой длинной?

— Ага, первые двое быстренько пробубнили историю академии на пару, а он в одиночку зачитывал весь оставшийся талмуд.

— Надо же, даже в элитной академии процветают такие гнилые подковерные игры.

В зрительном зале Сюй Шаофэй, наблюдавший за триумфом друга, наконец облегченно перевел дух.

— Силен, — вполголоса хмыкнул Се Сюнь. — Сразу видно — отцовская порода. Выстави меня перед такой толпой без подготовки, я бы только стоял и хлопал глазами, как баран.

Сюй Шаофэй прекрасно понимал, что приятель скромничает. Однако при мысли о том, как Си Жун сегодня на рассвете с диким раздражением на лице заучивал эти абзацы в гостинной, на душе стало весело.

— Он зубрил этот текст сегодня утром, прямо перед выходом. Похоже, Шань Ци со вторым умником решили устроить ему показательную порку. Только вот просчитались.

В итоге весь триумф достался Си Жуну. Обидчики лишь нажили себе проблем.

— Поразительная глупость, — хмыкнул Се Сюнь с холодной усмешкой. — Устроить подобный балаган на глазах у всей политической элиты... Семейство Шань после такого долго будет отмываться.

— Да уж, — небрежно отозвался Сюй Шаофэй. — Сын явно не унаследовал отцовской хватки. Характеры у них — небо и земля.

За кулисами Цинь Яодун, едва завершилось выступление, сразу же бросился на поиски Си Жуна.

— Прости, пожалуйста! — затараторил он, едва переводя дыхание. — Клянусь, мне дали только вторую половину текста! Я понятия не имел, что тебе подсунут весь этот объем. Тебе пришлось так тяжело!

Си Жун небрежным движением ослабил тугой узел галстука.

— Пустяки. Дело сделано.

Мотивы Цинь Яодуна — будь то искреннее раскаяние или банальный страх перед гневом семьи Си — Си Жуна мало волновали.

Шань Ци же, чья каверза обернулась против него самого, спустился со сцены мрачнее тучи. Заметив расслабленный вид соперника, он лишь злобно фыркнул и промчался мимо, не проронив ни слова.

А Цинь Яодун, зажатый между молотом и наковальней, поспешил принести извинения. В политических играх золотой молодежи обычным студентам приходится несладко — крутись как хочешь, лишь бы не навлечь гнев ни на одну из сторон.

Когда Си Жун уже направился к выходу, в дверях гримерной показалась директор Инь. Она с теплой улыбкой коснулась его плеча:

— Превосходно, Си Жун. Признаться, я поражена тем, как быстро ты справился с таким объемом.

— Спасибо, директор Инь, — вежливо отозвался юноша.

Его сдержанность и отсутствие хвастовства импонировали женщине гораздо больше пустой лести. Рядом тут же засуетился Цинь Яодун, решивший переложить вину на зачинщика:

— Директор Инь, искренне прошу прощения! Шань Ци скинул мне сильно урезанный текст. Мне стоило проявить бдительность и попросить копию у вас напрямую...

Директор Инь перевела взгляд на Цинь Яодуна и тяжело вздохнула. Утром, когда она звонила ему с проверкой, тот уверенно отрапортовал, что весь его кусок выучен наизусть. Она сочла, что тут проблем не возникнет, и переживала только за Си Жуну, которому досталась самая сложная задача.

Кто же мог предположить, что под «все готово» Цинь Яодун имел в виду жалкий клочок текста!

— Впредь при любых сомнениях обращайтесь напрямую к кураторам, — строго отчеканила директор Инь. — И не смейте замалчивать проблемы из-за глупого страха. Репутация Академии Федерации — слишком ценный ресурс, чтобы рисковать им ради чьих-то подковерных игр.

— Да, директор Инь. Я все понял, — понуро выдавил парень.

Цинь Яодун виновато замолчал, не смея поднять глаз. Си Жун развернулся, намереваясь уйти, но директор Инь окликнула его:

— Си Жун, может, подождешь отца? Ты сегодня выступил просто блестяще. Уверена, он поднимется за кулисы, чтобы выразить гордость.

Юноша поморщился внутри. Устраивать дешевый спектакль «отец и послушный сын» ради чужих глаз ему совершенно не хотелось. Си Цюань никогда не питал к нему теплых чувств, так к чему эти фальшивые объятия?

— Благодарю, но мне нужно идти, — качнул головой Си Жун.

Он поднялся ни свет ни заря и сейчас мечтал лишь об одном — вернуться в комнату и завалиться спать.

Торжественная часть подошла к концу, и на трибуну поднялся Шань Пэн — почетный гость от Политического ведомства. Ему предстояло зачитать обращение и ответить на вопросы студентов.

Шань Пэн и сам когда-то окончил Факультет политики Академии Федерации. Это направление традиционно считалось кузницей кадров для высших эшелонов власти, а потому пользовалось особым статусом.

Каждый год выпускники-четверокурсники получали направления на государственную службу согласно алгоритмам ИИ-правителя Ци. Молодые специалисты, пополнившие ряды министерств за последние годы, уже успели показать отличные результаты, укрепив веру общества в то, что будущее Федерации — в надежных руках.

Поставив точку в официальном докладе, Шань Пэн благодушно кивнул залу, приглашая к открытому диалогу.

Студенты Академии Федерации делились на талантливых самородков и тех, за чьей спиной стояли могущественные династии. Хотя Совет Федерации на первый взгляд казался вершиной власти, на деле полномочия десяти советников жестко сдерживали друг друга. Любая их инициатива требовала обязательного одобрения ИИ-правителя Ци, а за малейшее нарушение закона грозил немедленный импичмент. Неудивительно, что отпрыски влиятельных семей не испытывали перед высокими гостями ни малейшего трепета, а их вопросы порой балансировали на грани фола.

— Господин советник, ваш сын Шань Ци заключил пари, по условиям которого проигравший должен ежедневно кричать у ворот академии, что он слабый Альфа. Как вы прокомментируете столь экстравагантное поведение своего наследника?

Зал притих. Никто не ожидал, что первый же вопрос окажется столь личным и провокационным. Кое-где среди рядов послышались смешки. Однако Шань Пэн сохранял маску абсолютного дружелюбия.

— Я крайне негативно отношусь к подобным спорам на интерес, — мягко и размеренно заговорил он. — Подобные пари лежат в серой зоне нашего законодательства, и мне сложно сказать, какие скрытые мотивы преследовал студент, вовлекший моего сына в эту авантюру. Тем не менее, раз уж Шань Ци дал слово, он сделает все, чтобы доказать свою правоту делом. Надеюсь, эта ситуация послужит для каждого из вас хорошим уроком: не поддавайтесь на дешевые провокации и не позволяйте манипулировать собой.

Речь советника прозвучала веско. По рядам прокатился одобрительный гул — многие действительно сочли, что глупые споры на слабо недостойны будущих политиков.

Наблюдавший за этим Си Цюань лишь тонко усмехнулся. Слова оппонента звучали красиво, но за ними скрывалась неприкрытая попытка выставить зачинщика спора коварным манипулятором, а собственного непутевого сына — невинной жертвой. Шань Пэн годами использовал эти софизмы, и они по-прежнему безотказно работали на публику.

Хотя обмануть этой дешевой риторикой можно было разве что совсем наивных первокурсников.

Второй вопрос не заставил себя ждать. С места поднялась студентка:

— Чуть ранее Шань Ци выступал на этой сцене вместе с Си Жуном. При этом Шань Ци со вторым докладчиком разделили между собой вводную часть, оставив Си Жуну больше двух третей всего текста. Скажите, не усматриваете ли вы в этом спланированного давления на сокурсника?

— Все мы видели, насколько гладко и уверенно держался господин Си Жун, — Шань Пэн добродушно развел руками. — Очевидно, что юноша репетировал свою речь не один день. Не исключено также, что он сам изъявил желание взять на себя основной объем текста, чтобы показать свои ораторские навыки. В таком ключе еще можно поспорить, кто кого пытался ущемить — он или Шань Ци с Цинь Яодуном или наоборот. Впрочем, мой сын не из тех, кто обращает внимание на подобные мелочи. Ха-ха. Думаю, нам стоит вернуться к вопросам вашей будущей карьеры и академических успехов. Возможно, мне не следовало высказываться в защиту Шань Ци, но он мой сын. Он бывает излишне прямолинеен, но у него открытая душа. Надеюсь, со временем вы узнаете его лучше и станете добрыми товарищами.

Два острых, потенциально опасных для репутации вопроса были изящно нейтрализованы. В комментариях к трансляции мгновенно сменился вектор: пользователи принялись нахваливать благородство семьи Шань, попутно обвиняя Си Жуна в мелочности, эгоизме и неумении работать в команде. Толпа, как обычно, с готовностью заглотила наживку.

Сюй Шаофэй иронично приподнял бровь.

— Видал? — негромко произнес он, усмехнувшись. — Истинный политик. Умение выдавать черное за белое у него прокачено до абсолюта. Учись, пока есть возможность.

Обычные люди сопоставляют факты, чтобы прийти к выводу, но Шань Пэн шел в обратном направлении — подгонял реальность под желаемый результат. Откровенное манипулирование общественным мнением, в которое толпа поверила с пугающей легкостью. Классическая тактика: плевать на истину, главное — удержать нужный нарратив.

— Спасибо, — хмыкнул в ответ Се Сюнь. — Мой мозг официально перегружен этой лекцией.

Дальше дело пошло со скрипом. Большинство присутствующих жаждало лишь зрелищ, и когда тема семейных разборок иссякла, энтузиазм угас. Лишь несколько отличников с Факультета политики из вежливости задали советнику пару дежурных вопросов о государственном устройстве, после чего торжественная церемония открытия наконец была объявлена закрытой.

Си Цюань еще в самом начале сессии вопросов и ответов достал терминал и погрузился в рабочую переписку. А вот Лу Юнь слушала выступление Шань Пэна затаив дыхание — в ее взгляде сквозило едва уловимое, глубоко запрятанное восхищение.

Когда публика хлынула к выходам, директор Инь решительным шагом направилась к Шань Пэну.

— Советник Шань, — сухо произнесла она, заставив его остановиться. — Не зная броду, не суйся в воду. Несколько дней назад я, доверившись вашему сыну, передала ему полный текст выступления. В итоге он отдал Цинь Яодуну лишь усеченный фрагмент, а Си Жун до сегодняшнего утра вообще не подозревал, что должен выступать. Вы сейчас на глазах у всей Федерации перевернули факты с ног на голову. Неужели именно этому вас учили на нашем факультете?

Директор Инь могла позволить себе подобный тон. Она возглавляла Факультет политики уже не одно десятилетие, и сам Шань Пэн когда-то слушал ее лекции, будучи студентом. Учитывая, что ее мать в прошлом занимала кресло в Верховном совете, авторитет семьи Инь был непререкаем. Она была той самой монолитной стеной, о которую расшибались любые попытки политического давления.

Шань Пэн мгновенно сменил маску — он изобразил глубокое раскаяние и вежливо склонился в полупоклоне.

— Прошу прощения, учитель Инь, — мягко и смиренно произнес он. — Я действительно не владел всей информацией и, ведомый слепой отцовской любовью, поспешил защитить ребенка. И в мыслях не имел ставить под сомнение ваши решения. Мне невероятно стыдно за его проступок. Вы не знаете, где сейчас этот паршивец? Я должен немедленно научить его уму-разуму.

— Поищите за кулисами, — отрезала директор Инь.

Стоило Шань Пэну скрыться из виду, как к женщине подошел Си Цюань.

— Учитель Инь, мой младший еще за кулисами? Я хотел бы перекинуться с ним парой слов.

Директор Инь покачала головой.

— Он уже ушел в общежитие. Юноша выглядел совершенно измотанным. Подготовить столь сложную речь за считанные часы и выступить без единой запинки — это подвиг. У вас растет выдающийся сын, Си Цюань. Вы проделали отличную работу как отец.

— Спасибо за добрые слова. Раз он устал, пусть отдыхает, — Си Цюань вежливо улыбнулся. — Но если представится случай, передайте ему, пожалуйста, что я горжусь им и надеюсь на его дальнейшие успехи.

— Непременно передам, — согласилась директор Инь.

За сегодняшний день Си Цюань уже не раз слышал восторженные отзывы о своем младшем сыне. И действительно, выступление Си Жуна было безукоризненным.

В душе отца не возникло и тени раскаяния за годы холодного безразличия. Вместо запоздалого чувства вины его разум тут же заполнили холодные расчеты: как именно можно использовать вновь открывшиеся таланты сына в своих интересах?

Взвешивая возможные выгоды, Си Цюань покинул Планету Академии.

А в это время в полумраке костюмерной за кулисами главного зала...

Раздался хлесткий, звонкий удар пощечины.

Шань Ци лишь молча втянул голову в плечи, не смея издать ни звука.

— Не умеешь делать дело чисто — не берись! — прошипел Шань Пэн, чье лицо сейчас было искажено яростью. — Сколько раз я повторял тебе это? Решил разыграть дешевый фарс на глазах у всей Федерации? Ради этого я годами вкладывал в тебя ресурсы?!

— Прости, отец... — пробормотал Шань Ци, прижимая ладонь к горячей щеке. — Я не ожидал, что у Си Жуна окажется копия доклада, он ведь...

— Заткнись!

Сейчас Шань Пэн ни капли не походил на того добродушного, вежливого чиновника, каким его привыкли видеть на экранах. Его глаза налились кровью, а лицо перекосило от бешенства. Шань Ци крупно вздрогнул. Парень мелко задрожал губами, а все слова испуганно застряли в горле.

— Ты вообще соображаешь, что это за трибуна? — Шань Пэн заговорил тихим, леденящим душу шепотом. — За этой трансляцией наблюдала вся Федерация! Любой мыслящий человек моментально раскусил твою глупую каверзу. Директор Инь возглавляет Факультет политики десятки лет, она славится своей педантичностью. Неужели твоих куриных мозгов не хватило, чтобы понять: если Си Жун не явится с докладом, она лично наберет его номер?! Ты собственноручно уничтожил свой авторитет в глазах куратора. С этого момента в академии ты ведешь себя тише воды, ниже травы. Изображай кротость и прилежность! Сначала обзаведись связями, сколоти собственную клику, а уже потом думай, как стереть врагов в порошок!

— Но отец... — заскулил Шань Ци. — Си Жун вечно меня провоцирует! Я просто... не могу это терпеть!

Глядя на слабовольное, испуганное лицо сына, Шань Пэн ощутил удушающий прилив разочарования. «Жалкое ничтожество». Он глубоко вдохнул, возвращая самообладание, и змеино усмехнулся.

— Раз этот выскочка так жаждет внимания, пусть купается в лучах славы, — тихо произнес Шань Пэн. — Если он провоцирует тебя — терпи. В глазах толпы слабый всегда прав, а сочувствие масс — грозное оружие в политике. Строить из себя невинную жертву тебя учить не надо. Ты называешь его наглым, а сам? Думаешь, я не знаю о всех твоих художествах за спиной? Запомни: я в последний раз подчищаю за тобой хвосты. Если ты не возьмешься за ум, мы с твоей матерью просто родим другого наследника.

— Отец! Нет, умоляю! — в панике вскрикнул Шань Ци, покрываясь холодной испариной. — Я все понял! Больше это не повторится!

Шань Пэн лишь разочарованно вздохнул. Брезгливым движением он сбросил пальцы сына со своего рукава и молча покинул душное помещение.

В обеденный перерыв Си Жун предпочел остаться в общежитии, ожидая доставку еды. Тем временем Сюй Шаофэй, Юань Шэн и Се Сюнь уныло разглядывали однообразный ассортимент студенческой столовой, всерьез подумывая о том, чтобы тоже перейти на заказные обеды.

Пока троица уныло жевала обед, к их столику приблизился студент в безупречно отутюженной темно-синей форме академии. Тонкая серебряная оправка очков и аккуратная стрижка подчеркивали его интеллигентные, утонченные черты лица, а мягкие манеры выдавали высокое происхождение.

Се Сюнь расплылся в дружелюбной улыбке.

— Кого я вижу! Наш главный активист. Неужели в начале семестра у студенческого совета нашлось окно, чтобы отпустить тебя на обед вовремя?

Фэн Июань тепло улыбнулся, опуская поднос на стол.

— В первые дни всегда много бумажной волокиты, но сейчас поток наконец схлынул, так что можно немного выдохнуть.

Будучи председателем студенческого совета академии, Фэн Июань унаследовал незаурядный характер своей матери. Несмотря на молодость, он обладал железной хваткой и гибким умом: будучи лишь третьекурсником, юноша уже заслужил огромный авторитет и популярность среди сверстников.

Мать Фэна занимала пост первого советника в Верховном совете Федерации, так что вся компания давно знала друг друга.

Единственным, с кем Июань до сих пор не пересекался лично, оставался Си Жун. Сказывался не только замкнутый характер младшего Си, но и нежелание его отца выводить мальчика в свет — Си Цюань практически никогда не брал Си Жуна на закрытые приемы.

Слышав, что Си Жун в последнее время часто обедает в компании этой троицы, Фэн Июань надеялся застать его здесь, но за столом нужного человека не оказалось.

Впрочем, это его ничуть не расстроило. Он прямо спросил:

— Ребят, а где Си Жун? Я хотел предложить ему вступить в студенческий совет.

<http://bllate.org/book/18262/1752172>